

ШЕДЕВРЫ УЖАСА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

ГОВАРД ФИЛЛИПС
ЛАВКРАФТ

**ХРЕБТЫ
БЕЗУМИЯ**

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЭНРИКЕ БРЕССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

ENRICO BRECCIA

I

Против своей воли начинаю я этот рассказ, меня вынуждает явное нежелание ученого мира прислушаться к моим советам, они жаждут доказательств. Не хотелось бы раскрывать причины, заставляющие меня сопротивляться грядущему покорению Антарктики — попыткам растопить вечные льды и повсеместному бурению в поисках полезных ископаемых. Впрочем, советы мои и на этот раз могут оказаться ненужными.

Понимаю, что рассказ мой поселит в души многих сомнения в его правдивости, но скрой я самые экстравагантные и невероятные события, что останется от него? В мою пользу, однако, свидетельствуют неизвестные дотолее фотографии, в том числе и сделанные с воздуха, — очень четкие и красноречивые. Хотя, конечно, и здесь найдутся сомневающиеся — ведь некоторые ловкачи научились великолепно подделывать фото. Что касается зарисовок, то их-то уж наверняка сочтут мистификацией, хотя, думаю, искусствоведы основательно поломают голову над техникой загадочных рисунков.

Мне приходится надеяться лишь на понимание и поддержку тех немногих гениев науки, которые,

с одной стороны, обладают большой независимостью мысли и способны оценить ужасающую убедительность предъявленных доказательств, сопоставив их с некоторыми таинственными первобытными мифами; а с другой — имеют достаточный вес в научном мире, чтобы приостановить разработку всевозможных грандиозных программ освоения «хребтов безумия». Жаль, что ни я, ни мои коллеги, скромные труженики науки из провинциальных университетов, не можем считаться достаточными авторитетами в столь сложных и абсолютно фантастических областях бытия.

В строгом смысле слова мы и специалистами-то в них не являемся. Меня, например, Мискатоникский университет направил в Антарктику как геолога: с помощью замечательной буровой установки, сконструированной профессором нашего же университета Фрэнком Х. Пибоди, мы должны были добыть с большой глубины образцы почвы и пород. Не стремясь прослыть пионером в других областях науки, я тем не менее надеялся, что это новое механическое устройство поможет мне многое разведать и увидеть в ином свете.

Как читатель, несомненно, знает из наших сообщений, установка Пибоди принципиально нова и пока не имеет себе равных. Ее незначительный вес, портативность и сочетание принципа артезианского действия бура с принципом вращающегося перфоратора дают возможность работать с породами разной твердости. Стальная бурильная коронка, складной хвостовик бура, бензиновый двигатель, разборная деревянная буровая вышка, принадлежности для взрывных работ, тросы, специальное устройство для удаления разрушенной породы, несколько

секций бурильных труб — шириной по пять дюймов, а длиной, в собранном виде, до тысячи футов, — все это необходимое для работы снаряжение могло разместиться всего на трех санях, в каждые из которых впрягалось по семь собак. Ведь большинство металлических частей изготовлялись из легких алюминиевых сплавов. Четыре огромных самолета, сконструированных фирмой Дорнье для полетов на большой высоте в арктических условиях и снабженных специальными устройствами для подогрева горючего, а также для скорейшего запуска двигателя (последнее — также изобретение Пибоди), могли доставить нашу экспедицию в полном составе из базы на краю ледникового барьера в любую нужную нам точку. А там можно передвигаться уже и на собаках.

Мы планировали исследовать за один антарктический сезон — немного задержавшись, если потребует-ся, — как можно больший район, сосредоточившись в основном у горных хребтов и на плато к югу от моря Росса. До нас в этих местах побывали Шеклтон, Амундсен, Скотт и Бэрд. Имея возможность часто менять стоянку и перелетать на большие расстояния, мы надеялись получить самый разнородный геологический материал. Особенно интересовал нас докембрийский период — образцы антарктических пород этого времени малоизвестны научному миру. Хотелось также привезти с собой и куски отложений из верхних пластов, содержащих органические остатки, — ведь знание ранней истории этого сурового, пустынного царства холода и смерти необычайно важно для науки о прошлом Земли. Известно, что в давние времена климат на антарктическом материке был теплым и даже тропическим, а растительный

и животный мир — богатым и разнообразным; теперь же из всего этого изобилия сохранились лишь лишайники, морская фауна, паукообразные и пингвины. Мы очень надеялись пополнить и уточнить информацию о былых формах жизни. В тех случаях, когда бурение покажет, что здесь находятся остатки фауны и флоры, мы взрывом увеличим отверстие и добудем образцы нужного размера и кондиции.

Из-за того, что внизу, на равнине, толща ледяного покрова равнялась миле, а то и двум, нам приходилось бурить скважины разной глубины на горных склонах. Мы не могли позволить себе терять время и бурить лед даже значительно меньшей толщины, хотя Пибоди и придумал, как растапливать его с помощью вмонтированных в перфоратор медных электродов, работающих от динамо-машины. После нескольких экспериментов мы отказались от такой затеи, а теперь именно этот отвергнутый нами метод собирается использовать, несмотря на все наши предостережения, будущая экспедиция Старкуэтера—Мура.

Об экспедиции Мискатоникского университета широкая общественность знала из наших телеграфных отчетов, публиковавшихся в «Аркхемской газете» и материалах «Ассошиэйтед Пресс», а позднее — из статей Пибоди и моих. Среди ее членов были четыре представителя университета: Пибоди, биолог Лейк, физик Этвуд, он же метеоролог, и я, геолог и номинальный глава группы, а также шестнадцать помощников: семеро студентов последнего курса и девять опытных механиков. Двенадцать из шестнадцати могли управлять самолетом, и все, кроме двоих, были умелыми радистами. Восемь

разбирались в навигации, умели пользоваться компасом и секстантом, в том числе Пибоди, Этвуд и я. Кроме того, на двух наших кораблях — допотопных деревянных китобойцах, предназначенных для работы в арктических широтах и имеющих дополнительные паровые двигатели, — были полностью укомплектованные команды.

Финансировали нашу экспедицию Фонд Натаниэля Дерби Пикмена, а также еще несколько спонсоров; сборы проходили очень тщательно, хотя особой рекламы не было. Собаки, сани, палатка с необходимым снаряжением, сборные части самолетов — все перевозилось в Бостон и там грузилось на пароходы. Великолепной оснащенностью экспедиции мы во многом обязаны бесценному опыту наших недавних блестящих предшественников: мы придерживались их рекомендаций во всем, что касалось продовольствия, транспорта, разбивки лагеря и режима работы. Многочисленность таких предшественников и их заслуженная слава стали причиной того, что наша экспедиция, несмотря на ее значительные успехи, не привлекла особого внимания общественности.

Как упоминалось в газетах, мы отплыли из Бостона 2 сентября 1930 года и шли вначале вдоль североамериканского побережья. Пройдя Панамский канал, взяли курс на острова Самоа, сделав остановку там, а затем в Хобарте, административном центре Тасмании, где в последний раз пополнили запасы продовольствия. Никто из нас прежде не был в полярных широтах, и потому мы целиком полагались на опыт наших капитанов, старых морских волков, не один год ловивших китов в южных морях, — Дж. Б. Дугласа, командовавшего

бригом «Аркхем» и осуществлявшего также общее руководство кораблями, и Георга Торфинсена, возглавлявшего экипаж барка «Мискатоник».

По мере удаления от цивилизованного мира солнце все позже заходило за горизонт — день увеличивался. Около 62° южной широты мы заметили первые айсберги — плоские, похожие на огромные столы глыбы с вертикальными стенками, и еще до пересечения Южного полярного круга, кое событие было отпраздновано нами 20 октября с традиционной эксцентричностью, стали постоянно наткаться на ледяные заторы. После долгого пребывания в тропиках резкий спад температуры особенно мучил меня, но я постарался взять себя в руки в ожидании более суровых испытаний. Меня часто приводили в восторг удивительные атмосферные явления, в том числе впервые увиденный мною поразительно четкий мираж: отдаленные айсберги вдруг ясно представились зубчатыми стенами грандиозных и фантастичных замков.

Пробившись сквозь льды, которые, к счастью, имели в себе открытые разломы, мы вновь вышли в свободные воды в районе 67° южной широты и 175° восточной долготы. Утром двадцать шестого октября на юге появилась ослепительно блиставшая белая полоска, а к полудню всех нас охватил восторг: перед нашими взорами простиралась огромная заснеженная горная цепь, казалось, не имевшая конца. словно часовой на посту, высилась она на краю великого и неведомого материка, охраняя таинственный мир застывшей Смерти. Несомненно, то были открытые Россом Горы Адмиралтейства, и, следовательно, нам предстояло, обогнув мыс Адэр, плыть вдоль восточного берега земли Виктории до места

будущей базы на побережье залива Мак-Мердо, у подножья вулкана Эребус на $77^{\circ} 9'$ южной широты. Заключительный этап нашего пути был особенно впечатляющим и будоражил воображение. Величественные, полные тайны хребты скрывали от нас материк, а слабые лучи солнца, невысоко поднимавшегося над горизонтом даже в полдень, не говоря уж о полуночи, бросали розовый отблеск на белый снег, голубоватый лед, разводья между льдинами и на темные, торчащие из-под снега гранитные выступы скал. Вдали, среди одиноких вершин, буйствовал свирепый антарктический ветер; лишь ненадолго умирал он свои бешеные порывы; завывания его вызвали смутное представление о диковатых звуках свирели; они разносились далеко и в силу неких подсознательных мнемонических причин беспокоили и даже вселяли ужас. Все вокруг напоминало странные и тревожные азиатские пейзажи Николая Рериха, а также еще более невероятные и нарушающие душевный покой описания зловещего плоскогорья Ленг, которые дает безумный араб Абдула Альхазред в мрачном «Некрономиконе». Впоследствии я не раз пожалел, что, будучи студентом колледжа, заглядывал в эту чудовищную книгу.

7 ноября горная цепь на западе временно исчезла из поля нашего зрения; мы миновали остров Франклина, а на следующий день вдали, на фоне длинной цепи гор Перри, замаячили конусы вулканов Эребус и Террор на острове Росса*. На востоке же белесой полосой протянулся огромный ледяной барьер толщиной не менее двухсот футов. Резко обрываясь, подобно отвесным скалам

* Здесь и далее имеется в виду полуостров Росса.

у берегов Квебека, он ясно говорил, что кораблям идти дальше нельзя. В полдень мы вошли в залив Мак-Мердо и встали на якорь у курящегося вулкана Эребус. Четкие очертания этого гиганта высотой 12 700 футов напомнили мне японскую гравюру священной Фудзиямы; сразу же за ним призрачно белел потухший вулкан Террор, высота которого равнялась 10 900 футам.

Эребус равномерно выпускал из своего чрева дым, и один из наших ассистентов, одаренный студент по фамилии Денфорт, обратил наше внимание, что на заснеженном склоне темнеет нечто, напоминающее лаву. Он также прибавил, что, по-видимому, именно эта гора, открытая в 1840 году, послужила источником вдохновения для По, который спустя семь лет написал:

Было сердце мое горячее,
Чем серы поток огневой,
Чем лавы поток огневой,

Бегущий с горы Эореи
Под ветра полярного вой,
Свергающийся с Эореи,
Под бури арктической вой*.

Денфорт, большой любитель такого рода странной, эксцентрической литературы, мог говорить о По часами. Меня самого интересовал этот писатель, сделавший Антарктиду местом действия своего самого длинного произведения — волнующей и загадочной «Повести о приключениях Артура Гордона Пима».

* Перевод К. Чуковского.

А на голом побережье и на ледяном барьере вдали с шумным гоготанием бродили, переваливаясь и хлопая ластами, толпы нелепейших созданий — пингвинов. В воде плавало множество жирных чаек, поверхность медленно дрейфующих льдин была также усеяна ими.

Девятого числа, сразу после полуночи, мы с превеликим трудом добрались на крошечных лодчонках до острова Росса, таща за собой канаты, соединяющие нас с обоими кораблями; снаряжение и продовольствие доставили позже на плотках. Ступив на антарктическую землю, мы пережили чувства острые и сложные, несмотря на то что до нас здесь уже побывали Скотт и Шеклтон. Палаточный лагерь, разбитый нами прямо у подножия вулкана, был всего лишь временным пристанищем, центр же управления экспедицией оставался на «Аркхеме». Мы перевезли на берег все бурильные установки, а также собак, сани, палатки, продовольствие, канистры с бензином, экспериментальную установку по растапливанию льда, фотоаппараты, аэрокамеры, разобранные самолеты и прочее снаряжение, в том числе три миниатюрных радиоприемника — помимо тех, что помещались в самолетах. В какой бы части ледяного континента мы ни оказались, они помогли бы нам не терять связь с «Аркхемом». А с помощью мощного радиопередатчика на «Аркхеме» осуществлялась связь с внешним миром; сообщения о ходе работ регулярно посылались в «Аркхемскую газету», имевшую свою радиостанцию в Кингспорт-Хеде (штат Массачусетс). Мы надеялись завершить дела к исходу антарктического лета, а в случае неудачи перезимовать на «Аркхеме», послав «Мискатоник» домой заблаговременно — до того, как станет лед, — за свежим запасом продовольствия.

Не хочется повторять то, о чем писали все газеты, и рассказывать еще раз о штурме Эребуса; об удачных пробах, взятых в разных частях острова; о неизменной, благодаря изобретению Пибоди, скорости бурения, которая не снижалась даже при работе с очень твердыми породами; об удачных испытаниях устройства по растапливанию льда; об опаснейшем подъеме на ледяной барьер с санями и снаряжением и о сборке пяти самолетов в лагере на ледяной круче. Все члены нашей экспедиции — двадцать мужчин и пятьдесят пять ездовых собак — чувствовали себя превосходно, правда, до сих пор мы еще не испытывали лютого холода или ураганного ветра. Ртуть в термометре держалась на отметках 4—7° ниже нуля — морозы, к которым мы привыкли у себя в Новой Англии, где зимы бывают довольно суровыми. Лагерь на ледяном барьере был также промежуточным, там предполагалось хранить бензин, провизию, динамит и еще некоторые необходимые вещи.

Экспедиция могла рассчитывать только на четыре самолета, пятый оставался на базе под присмотром летчика и еще двух подручных и в случае пропажи остальных самолетов должен был доставить нас на «Аркхем». Позже, когда какой-нибудь самолет или даже два были свободны от перевозки аппаратуры, мы использовали их для связи: помимо этой основной базы у нас имелось еще одно временное пристанище на расстоянии шестисот-семисот миль — в южной части огромного плоскогорья, рядом с ледником Бирдмора. Несмотря на метели и жесточайшие ветры, постоянно дующие с плоскогорья, мы в целях экономии и эффективности работ отказались от промежуточных баз.

